

СЕМИОСФЕРА

Семантика и символика числа в картине мира

Глава 2. Внутри мыслящих миров

Цель лекции: выстроить разноуровневую модель семиозиса мотивированных знаков языка культуры.

План:

1. Проблема «обучения культуре» как типологическая характеристика.
2. О двух типах ориентированности культуры.
3. О моделирующем значении понятий «конца» и «начала» в художественных текстах.
4. Семантика числа и тип культуры.

Рассмотрение культуры как некоторого языка и всей совокупности текстов на этом языке ставит вопрос об обучении. Если культура – сумма ненаследственной информации, то вопрос о том, как эта информация вводится в человека и человеческие коллективы, не является праздным. В данной связи нас интересует лишь один аспект этой проблемы: существует ли зависимость между механизмом «обучения» и структурой кода культуры?

Следует напомнить, что при усвоении того или иного естественного языка обучение может производиться двумя способами:

1. Первый практикуется при обучении родному языку и при языковом обучении в раннем возрасте. В этом случае в сознание обучаемого не вводятся никаких правил – их заменяют тексты. Ребенок запоминает многочисленные употребления и на основании их научается самостоятельно порождать тексты.

2. Второй случай – когда в сознание обучаемого вводятся определенные правила, на основании которых он может самостоятельно порождать тексты. При этом, хотя, как и в первом случае, в сознание обучаемого вводятся тексты, фактически они при этом повышаются в ранге, выступая в качестве метатекстов: правил-образцов.

Несмотря на то, что в практике языкового обучения оба метода могут применяться к одному и тому же языку, в типологии культуры они оказываются связанными с разными системами внутренней организации. Одни культуры рассматривают себя как определенную сумму прецедентов, употреблений, текстов, другие – как совокупность норм и правил. В первом случае правильно то, что существует, во втором – существует то, что правильно.

Значимость для культуры момента обучения проявляется в особой отмеченности ее начального момента: для каждой культуры одним из определяющих моментов оказывается факт ее введения и фигура зачинателя – того, кто обучил, основал, открыл систему, ввел ее в сознание коллектива.

Однако и культурные герои, и боги-основатели делятся на две группы в соответствии с характером основываемых ими культур: одни обучают определенному поведению, показывают, дают образцы, другие приносят правила. Первые основывают культуру как сумму текстов, вторые дают метатексты. В первом случае предписания имеют характер разрешений, во втором – запретов.

Культура первого типа в качестве основного принципа выдвигает обычай, культура второго – закон. Созная всю меру условности этих названий, мы будем именовать первую «культурой текстов», а вторую – «культурой грамматик».

«Культура текстов» не имеет тенденции выделять особого метауровня – правил собственного образования. Она не тяготеет к самоописаниям. Если же правила в нее вносятся, то они ценятся ниже, чем тексты.

Рассмотрение культуры с точки зрения «обучения» раскрывает и разницу между ее структурой и естественным языком. Естественный язык, обучаемся ли мы ему при помощи примеров, вводя в свое сознание многочисленные тексты, или при помощи правил, остается неизменным в своей внутренней структуре. Способ обучения определяется не структурой языка, а структурой воспринимающего сознания. Прагматика, функции текстов для естественного языка представляют нечто внешнее, не входящее в его систему. Для культуры, которая представляет собой не только потенциальную информацию, заключенную в той или иной системе, но и реальную, извлеченную из нее тем или иным исторически данным коллективом, структура сознания, воспринимающая тексты, набор функциональных

употреблений этих текстов не будет представлять нечто внешнее. Она будет составлять один из аспектов ее внутренней организации. Поэтому механизм введения системы в сознание коллектива, механизм «обучения» не будет для культуры чем-то внешним. При этом структура воспринимающего сознания, в силу многофакторности и полисистемности культуры, здесь гораздо активнее. Сама же структура сознания не противостоит воспринимаемой системе, а является лишь системой прежде усвоенных языков. Соотношение воспринимающего сознания и вводимой в него системы можно представить как столкновение двух текстов на разных языках, из которых каждый стремится преобразовать противоположный по своему образу и подобию, трансформировать его в «перевод на себя». Если лингвистика изучает каждый из этих языков как изолированную систему, то объектом культурологии является их борьба, взаимное напряжение, культура как единая система, составленная всей совокупностью их взаимных отношений.

Таким образом, принцип «быть совокупностью текстов» или «быть совокупностью правил» становится скрытой культуuroобразующей программой, оказывающей мощное воздействие на все вводимые в дальнейшем в сознание коллектива материалы. Интересно наблюдать, как законы и нормы, вводимые в культуру, построенную на принципах текста, начинают практически функционировать как обычаи и прецеденты, в то время как в противоположном случае обычное право имеет тенденцию кодифицироваться, культура активно выделяет собственную грамматику.

Особенно значимым этот вопрос становится на стадии самосознания, когда культура выделяет из себя автомоделирующие тексты и вводит в свою память концепцию самой себя. Именно на этой стадии, прежде всего, возникает единство культуры. Любая культура представляет собой сложный и противоречивый комплекс. Автомодель культуры выделяет в нем доминанты, и на их основании строится унифицированная модель, которая должна служить кодом для самопознания и самодешифровки текстов данной культуры. Для того, чтобы выполнить эту функцию, она должна быть организована как синхронно сбалансированная структура. То, что история культуры изучает и тексты той или иной культуры, и ее автомодель в одном ряду, как явления одного уровня, способно лишь породить путаницу. Не меньшим заблуждением было бы, например, полагать, что автомодель культуры представляет собой нечто эфемерное, нереальное, фикцию и в этом смысле может быть противопоставлена входящим в культуру текстам. Автомодель – мощное средство «дорегулировки» культуры, придающее ей системное единство и во многом определяющее ее качества как информационного резервуара. Однако это реальность другого уровня, чем реальность текстов.

Отношения между культурой и ее автомоделью могут быть в достаточной мере сложны. Если в естественном языке грамматика стремится максимально точно описывать тексты данного языка и всякое расхождение между этими двумя началами – явление нежелательное, устраняемое по мере совершенствования научного описания, то в системе культуры положение иное. Здесь могут работать различные тенденции:

1. Создание автомоделей культуры, стремящихся к предельному сближению с реально существующей культурой.
2. Создание автомоделей, отличающихся от практики культуры и рассчитанных на изменение этой практики. Единство культуры и ее модели принимает в этом случае характер идеального состояния, цели сознательных усилий.
3. Автомодели, идеальное самосознание культуры, существуют и функционируют отдельно от нее самой, причем сближение между ними и не подразумевается: самый этот разрыв обладает некоторой информационной значимостью.

Хотелось бы, однако, предостеречь от, возможно, эффективных, но не имеющих, в научном смысле, никакой ценности размышлений о преимуществах закона или обычая. Можно было бы привести примеры накопления положительного культурного опыта в сфере «грамматических» структур и энтропического воздействия обычая. Напомним лишь, что все бесправие и беззаконие замоскворецкого быта совершалось в формах обычая, слежавшиеся пласты которого создавали систему столь высокой избыточности, что ни для накопления информации, ни для непредсказуемых действий личности уже не оставалось места.

Зададимся вопросом: как же соотносятся между собой принципы построения кода культуры?

1. Названные типы культуры могут рассматриваться как устойчивые национальные или ареальные характеристики. Сложившийся в недокументированных глубинах исторической жизни данного коллектива тип организации культурного опыта может проявлять большую устойчивость, приспособляясь к культурным задачам разных эпох и сохраняясь на протяжении столетий. В этом случае проблемы взаимодействия культур или культурных ареалов усложняются соотношением выделенных типов культурных кодов.

2. Но эти же типы можно рассматривать как закономерно сменяющиеся этапы внутреннего развития культуры. Введение в память индивида грамматических правил подразумевает определенное языковое владение, в то время как обучение текстами может быть первичным. Не случайно первое используется, как правило, при обучении взрослых чужому языку, а второе – детей и родному. Поэтому оба метода построения кода культуры могут рассматриваться как этапы единой эволюции, осуществляемой как маятниковоподобная смена принципов построения.

3. Культура представляет собой сложный и многофакторный механизм. Она обнаруживает признаки самонастраивающейся системы и способна сама регулировать и усложнять собственное строение. Эта способность органически связана с неоднородностью внутреннего строения. В толще культуры различные участки обладают разной мерой организованности. В нее входят частные подсистемы, обладающие внутренне замкнутой, автономной структурой, для которой вся толща культуры выступает как внешняя среда.

Данные истории культуры позволяют выделить два типа построения текстов:

- одни, соотносясь только с одной системой правил, представляют ее реализацию. Ценным и активным в них будет именно выполнение определенного канона. К ним относятся фольклорные и средневековые тексты, произведения эпохи классицизма.

- вторые проецируются на две или более системы норм и, следовательно, относительно каждой будут выступать как нарушение. Отклонение текста от его «языка» составляет его значимую часть.

Именно первые привлекли внимание исследователей очевидным параллелизмом с естественными языками. Успехи, связанные с применением лингво-семиотических методов для их изучения, очевидны. Однако здесь уместно было бы обратить внимание на один парадокс: естественные языки автоматизируют сферу выражения, но содержание сообщения остается предельно широким – говорить можно обо всем. Художественные тексты первого типа накладывают строгие ограничения именно на эту область. Получается система с канонизированным выражением и столь же стандартизованным содержанием. Она должна была бы быть полностью избыточной. За счет чего создается непредсказуемость этих текстов, при условии того, что значимо выполнение правил на всех уровнях, – неясно.

Возможно, решение будет намечено, если мы допустим гипотезу, что кроме хорошо известной нам коммуникационной схемы «адресант/адресат», есть еще автокоммуникация, где оба эти лица совмещены. Случай этот, сравнительно второстепенный для отдельного человека, доминирует, если в качестве отправителя/получателя сообщения рассматривать национальный организм или же человечество в целом. Может показаться, что автокоммуникация не вносит ничего принципиально нового в схему общения. Так, записывая для себя на память, я просто заменяю разрыв между адресантом/адресатом в пространстве таковым же во времени. Однако можно высказать гипотезу, что разница здесь имеет принципиальный характер и нам еще предстоит создать грамматику автокоммуникаций.

Здесь, для продолжения излагаемой идеи, необходимо выделить две сферы:

1. Автокоммуникацию мнемонического типа – сообщение себе того, что уже было известно. Это будут узелки на память, узелковое письмо, чтение по книге неграмотным, но знающим текст наизусть человеком.

2. Автокоммуникацию, определяемую понятиями «открытие», «вдохновение»: вводимая мной в меня информация коррелирует с предшествующей информацией, зафиксированной

в моей памяти, доорганизовывает ее, и в результате «на выходе» получается значительный прирост информации.

Языки, построенные как коммуникация с другим и как автокоммуникация, конечно, могут на определенном метауровне быть сведены к единой семиотической схеме. Это не снимает того факта, что в их построении доминируют различные структурные принципы.

Можно предположить, что в разных типах моделирующих систем различен удельный вес внешней коммуникации и автокоммуникативных связей. В текстах естественного языка доминируют первые, в искусстве выделяется роль вторых.

Еще более существенна ориентированность различных типов культур на тот или иной вид связи. В рассматриваемом вопросе есть два аспекта:

1. То, что происходит в сознании человека в момент возрастания информации, – проблема психологическая и должна изучаться средствами психологии.

2. Но тексты, которые дают наибольший разрыв между информацией «на входе» и «на выходе», специфическая структура этих стимуляторов, могут изучаться лингво-семиотическими методами.

Когда мы получим более подробные и точные данные о структуре и функционировании текстов этого типа, возможно, станет ясно, что парадокс, на который мы обратили внимание в предыдущих лекциях, возникает в результате некорректного применения к автокоммуникативным текстам критериев, выработанных на основе изучения «внешних» коммуникаций.

Обсуждая вопрос моделирующего значения понятий «конца» и «начала» выделим ряд важных моментов:

1. Отмеченность «конца» или «начала» составляет особенность вторичных моделирующих систем. Естественные языки с их соотношением вневременного кода и развертывающегося во времени сообщения дают иную картину: время моделируется средствами естественного языка не как нечто заключенное между «началом» и «концом», а по принципу одновременности с сообщением или той, или иной степени удаленности от него в сторону предшествующего или последующего.

2. Во вторичных моделирующих системах нехудожественного типа (миф, религия) отношение между «речью» и «языком» системы строится иначе. Для носителя данных моделирующих представлений «речью» системы будет подлежащий истолкованию окружающий мир, а «языком» – дешифрующая его культурная модель. При этом, на определенной культурной стадии, закономерно возникает представление о целостной «речи» этой системы – о том, что она составляет собой не совокупность отдельно дешифруемых знаков, а мир, который в целом реализует некую абстрактную – мифологическую, религиозную или другую – модель.

3. Категории «начала» и «конца» являются исходной точкой, из которой в дальнейшем могут развиваться и пространственные, и временные конструктивные построения. Сильная отмеченность одной из этих категорий отнюдь не обязательно подразумевает аналогичную структурную позицию другой, так как далеко не во всех системах они образуют парную оппозицию. Сэтим связаны две концепции «правильного» исторического развития: возвращение к исходной точке или приближение к конечной точке, представление о поступательном или регрессивном ходе истории.

4. Модели мира с равной отмеченностью «начала» и «конца» представляются производными от названных типов. Вне категорий «начала» и «конца» находятся циклические модели мира, а также ахронные системы. Вероятно предположить, что структуры с отмеченным началом соответствуют культурам молодым, самоутверждающимся, осознающим факт своего существования. Для этих культур будет свойственно осознание самих себя как непротиворечивых и целостно-ценных. Конфликт будет вынесен вовне и характеризовать отношение к предшествующей культуре. Структуры с отмеченным концом соответствуют культурам с созревшими противоречиями, внутренним расположением конфликта и сознанием трагичности этого конфликта.

5. Художественные структуры по самой своей природе обладают резкой отграниченностью сообщения. Конец и начало текста обладают здесь значительно большей отмеченностью, чем в общезыковых сообщениях. Причина этого, видимо, кроется в особом соотношении планов

«языка» и «речи» в художественных текстах. Всякий художественный текст не может быть однозначно оценен только как текст или только как интерпретирующая модель создаваемой с его помощью системы. По отношению к определенным структурно-художественным представлениям текст будет выступать как конкретная инкарнация абстрактной модели. Однако по отношению к соотносимому с ним реальному миру он сам будет выступать в качестве некоей модели, причем подобной двойной интерпретации будет поддаваться как весь текст в целом, так и каждый из его элементов и уровней. Функция художественного произведения как конечной модели бесконечного по своей природе «речевого текста» реальных фактов делает момент отграниченности, конечности непереносимым условием всякого художественного текста в его первоначальных формах – таковы понятия начала и конца текста, рамы в живописи, рампы в театре.

Обсуждая следующий вопрос нашей лекции – «Семантика числа и тип культуры», хотелось бы подчеркнуть, что:

1. Особое значение чисел и числовой символики в истории культуры давно общеизвестно. В большом числе конкретных исследований, посвященных разным эпохам в истории культуры, рассматриваются случаи «эпических чисел», «числовой символики», «мистики чисел» и т. п. Количество случаев, когда число приобретает, сверх своего основного цифрового значения, некоторые добавочные – культурно-типологические, очень велико.

1.1. В случае, если рассматривать культуру как текст, становится возможным выделить два типа ее внутренней организации:

а) Парадигматический – вся картина мира представляется как некоторая вневременная парадигма, элементы которой располагаются на разных уровнях, представляя собой различные варианты некоторого единого инвариантного значения.

б) Синтагматический – картина мира представляет собой последовательность располагающихся на одном уровне, в единой временной плоскости разных элементов, получающих значение во взаимном отношении друг к другу. Смысл числовой символики в каждом из этих случаев будет различен.

2. Парадигматическая модель мира строится как иерархия семантических уровней, определенным образом ориентированных, причем каждый пласт выступает как выражение для следующего, расположенного ближе к семантической основе, и содержание для ближайшего в противоположном направлении.

При этом возникает ряд характерных признаков семантической конструкции.

2.1. Общее построение системы уровней конструируется по принципу «матрешки» – каждый уровень имеет внешний пласт, для которого он выступает как содержание, и внутренний, в отношении к которому он приобретает черты выражения.

Тогда, во-первых, все уровни в целом в определенной мере взаимно синонимичны, и, во-вторых, различаются степенью концентрированности некоторого единого значения. Вся система имеет некоторое единое значение, которое в разной степени просвечивает в различных конструктивных пластах.

Таким образом:

а) Всё представляется имеющим значение. Каждый уровень, что бы он в себе ни заключал – неодушевленную природу, материальные творения рук человеческих или пришедшую из глубины веков легенду, – есть текст, а знание – это умение чтения.

б) Разные уровни значений взаимно изоморфны. Поэтому, с одной стороны, принципиально все рассматривается как текст, подлежащий дешифровке, с другой – один и тот же текст может дешифровываться на разных уровнях.

Явлениям химического мира приписываются свойства нравственного – вражда, симпатия и т. д. – и обратно. Характерно стремление рассматривать античные и библейские легенды как неразгаданные описания алхимических процессов, а алхимические тексты как повествования о нравственном совершенствовании людей или космическом и астральном строении вселенной.

3. Изоморфизм уровней имеет следствием то, что все многообразие различных качеств приобретает характер разных количественных степеней одного качества. Такое иерархическое и парадигматическое построение составляет основу для сведения элементов одного уровня к

некоторому элементарному набору, а других уровней – к количественному их варьированию. Поэтому отношение какого-либо понятия к соответствующему семантическому элементу другого уровня наиболее органично выражается числом. Именно парадигматическая структура культуры благоприятствует превращению числа из элемента культуры в ее универсальный символ.

3.1. Следствием охарактеризованных выше представлений явился взгляд на науку о числах не как на одну из дисциплин, изучающую определенный, количественный, аспект вселенной, а как науку наук, раскрывающую высшие отношения между качествами, которые следует каждый раз интерпретировать соответствующим данному уровню образом. Вполне обоснованной кажется, например, с этой точки зрения, такая постановка вопроса: «Как интерпретировать данный математический закон на уровне этики? Что означает он для поисков философского камня или изъяснения законов космоса?» Так возникают пифагорейская, масонская и другие математики.

4. Парадигматическое и синтагматическое построения текста культуры противостоят друг другу как замкнутое незамкнутому. Не следует думать, что второй тип имеет полностью нечисловой характер. Однако в нем актуализируются другие аспекты числа. Культурная роль числа актуализируется в парадигматических типах в связи с идеей изоморфизма, а в синтагматических – порядка, ряда. В первом случае выделяется символическое значение чисел, во втором – последовательность. Соответственно модель мира получает преимущественно пространственное или временное значение.